

Б. Ю. НОРМАН

(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 81'38
ББК Ш105.55

СТЕРЕОТИПНЫЕ РЕПЛИКИ НА СЛУЖБЕ У СТАНДАРТНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье рассматривается разнообразный речевой материал, используемый говорящим в стандартных коммуникативных ситуациях (согласие, одобрение, оправдание, упрек, угроза, возмущение и т.п.). В центре внимания – фразеологизованные синтаксические модели, заложенные в готовом виде в памяти носителей языка и автоматически всплывающие в нужный момент, типа: *Сегодня не мой день; Больно все умные стали; Мало не покажется; А я что тебе говорил!* и т.п. С помощью таких реплик говорящий регулирует свои отношения с собеседником, а также повышает свой психологический статус в собственных глазах. Данные выражения по своему происхождению восходят к пословицам, цитатам, афоризмам и т.п. Особое внимание в статье уделяется народным приметам (поверьям), бытующим в русском обществе, и соответствующим им клишированным выражениям, типа *Семь лет не жениться; В рюмку смотреть; Богатым будешь; Присядем на дорожку* и т.п. Фоном для рассуждений и заключений служит теория актов речи, основанная Дж. Остином и Дж. Серлем и получившая широкое распространение в работах российских лингвистов. Приводятся примеры из современной русской художественной литературы.

Ключевые слова: говорящий, речевой акт, стереотипная реплика, синтаксическая модель, фразеологизованная схема, примета

Общая идея противопоставления языка как средства общения и речи как его реализации, восходящая к Ф. де Соссюру, постепенно принимает конкретные формы в применении к единицам разных языковых уровней. Для языковедов уже привычна оппозиция фонемы и ее варианта – звука (аллофона), морфемы и морфа (алломорфа). Слово (лексема) как языковая единица лексического уровня находит себе в речи выражение в виде словоформы (если обращать внимание на ее грамматическое значение) или лексико-семантического варианта (если говорить о реализации лексического значения). На повестку дня выходит вопрос о единице синтаксического уровня: распространяется ли и на нее общее противопоставление языка и речи?

Дело в том, что языковые единицы любого уровня должны храниться в памяти в готовом виде и воспроизводиться в необходимом момент. К фонемам, морфемам, лексемам, фраземам (устойчивым словосочетаниям) это применимо, их можно даже для любого языка задать списком. Что же касается синтаксических единиц, то здесь мнения ученых расходятся. Считать, что предложения заложены в готовом виде в человеческой памяти, конечно, невозможно. Составить список предложений – абсурдная идея! Следовательно, и единицами языка они не являются, а представляют собой речевые образования. В наиболее четком и концентрированном виде эта мысль была высказана Э. Бенвенистом на IX Международном съезде лингвистов: «Число предложений бесконечно. <...> Предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [Бенвенист 1974: 139]. Аналогичная точка зрения представлена и в работах некоторых российских ученых: В. М. Солнцева, В. А. Звегинцева и др.

В то же время нетрудно заметить, что множество предложений в нашей речи строится по одним и тем же образцам. Это, конечно, обусловлено однотипностью отражаемых ситуаций, но, кроме того, является собой результат речевого подражания и воспитания. Не случайно русские азбуки начинаются с серийных примеров вроде: *У Маши машина. У Шуры шары, У осы усы* (это всё один образец); *Мама мыла раму, Луша ела кашу, Нина ждала папу* (второй образец) и т.п. И взрослый человек, даже самой творческой натуры, разумеется, использует в своей речевой деятельности готовые грамматические схемы – модели предложений.

Значит, построение нашей речи не столь уж оригинально и неповторимо? П. С. Кузнецов, яркий представитель Московской фонологической школы, писал об этом так: «Говорящий (или пишущий) не творит всё, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его

памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам» [Кузнецов 1961: 61].

И даже когда мы на практике имеем дело со спонтанной, плохо упорядоченной речью взволнованного человека, в которой представлены и обрывки фраз, и ошибочно выбранные формы, и случаи контаминации и т.д., в основе таких речевых агломераций все равно лежат апробированные синтаксические модели, входящие в языковую компетенцию носителя языка. Об этом хорошо писал известный германист В. Г. Адмони: «В бесчисленных разновидностях своих речевых проявлений высказывание может чрезвычайно далеко отойти от исходной структуры предложения<...> Но всегда, во всех без исключения случаях, если мы остаемся в пределах человеческого языка, обнаруживаются хотя бы отдаленные связи между любыми формами речевого высказывания и типологией предложения в каждом языке» [Адмони 1994: 44]. И еще: «Любая фрагментарность, «структурная размытость», грамматическая «алогичность» высказывания позволяют все же найти те грамматически закрепленные структуры, к которым <...> восходят все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи...» [Там же: 60].

Борьба двух указанных точек зрения на природу синтаксических единиц привела в лингвистике к закономерному результату: к признанию необходимости различать **предложение** (синтаксическую модель, схему, образец) как языковую единицу и **высказывание** (фразу) как единицу речевую. Понимаемая таким образом оппозиция «предложение – высказывание» укладывается в общую схему противопоставления языковых единиц и их речевых реализаций. И не случайно капитальные описания русского языка последних десятилетий – включая и Граматику-70, и Русскую грамматику-80 – уделяют такое внимание типологии структурных схем предложения.

Однако процесс углубления и кристаллизации синтаксических понятий не мог оставаться в стороне от магистральных путей развития лингвистики. Во второй половине XX века среди языковедов стала получать все большее распространение теория речевых актов, сформулированная английскими и американскими логиками. Как известно, в оригинальной версии Дж. Ости-

на таксономия видов речевой деятельности складывалась всего из 5 классов: это вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы и экспозитивы [Остин 1986: 118-119]. С тех пор лингвисты как будто соревнуются между собой в уточнении и дополнении исходной классификации. А. Вежбицка в программной статье 1973 года выделяет такие коммуникативные интенции, как «просьбы и приказы», «вопросы», «запрет и разрешение», «требование, протест, уполномочивание, гарантия, обещание», «предостережения и угрозы, советы и поучения», «приветствия, благодарности и т.п.», а также «экспозитивы», т.е. разнообразные речевые действия, связанные с информированием [Wierzbicka 1973: 205-218]. Л. Писарек только среди конвенциональных актов экспрессивов, имеющих своей целью создание в основном «доброжелательной атмосферы общения», насчитывает 30 соответствующих единиц: это благодарность, вокатив, гнев, жалоба, извинение, комплимент, лесть, нанесение обиды, негодование, неодобрение, одобрение и т.д. [Pisarek 1995: 36]. У В.В. Богданова на сопоставительном материале нескольких европейских языков выделяются 9 «достаточно крупных» иллюкутивных актов: декларативы, комиссивы, интеррогативы, инъюнктивы, реквестивы, адвисивы, экспрессивы, констативы и аффирмативы [Богданов 1990: 55-58].

Важно понимать, что все эти виды речевых актов – это действия, поступки, такие же, как физическое поглаживание или отталкивание, и неслучайно они сопоставимы с жестами (такими как поклон, прикладывание руки к сердцу в знак благодарности, приветственный взмах рукой, улыбка, недовольная гримаса, угрожающее помахивание указательным пальцем, морщенье лба и т.п.).

Естественно возникает вопрос, насколько классификация речевых актов совместима с типологией синтаксических моделей, существует ли между ними какая-то корреляция? Можно ли, скажем, говорить о том, что для выражения приветствия предпочтительны одни типы синтаксических построений, а для выражения угрозы – другие?

Начнем с того, что исследования русского синтаксиса, активизировавшиеся во второй половине XX века, обнаружили целый ряд построений, характерных для той или иной дискурсив-

ной сферы. В частности, В.П. Проничев описывает два с лишним десятка моделей вопросительных именных высказываний, каждая из которых имеет в русском языке свою типовую семантику (ср.: *Письмо? А Дымов? Что сердце? Никак Василий? Неприятная картина, а? Не позорище ли? Чем не подарок?* и т.п.). И все эти номинативные конструкции употребляются в основном в диалогической речи: «Можно сказать, что диалог – естественная сфера их функционирования, поскольку именно в диалоге, в непринужденном, живом общении с большей определенностью и полнотой раскрывается коммуникативно-прагматическое предназначение вопросительного высказывания...» [Проничев 1991: 93].

Наиболее «связанными» в коммуникативном отношении оказываются синтаксические модели, которые принято называть фразеологизованными (другие названия: синтаксические фраземы, фразеосхемы, конструкции «малого синтаксиса»). Речь идет о синтаксических образцах, некоторые элементы которых заданы позиционно и лексически, в том числе местоименными или неполнозначными словами. Примерами могут служить такие русские выражения, как *Что за прелесть! Какой мастер! Вот дурак! Ну и молодец! Чем не подарок! Как не согласиться! Ох уж этот Коля! Нет чтобы подождать; Всем пирогам пирог; Праздник не в праздник; Война есть война; Лес как лес* и т.п. Перед нами, очевидно, «бытовые реплики – акты речи, которые интересны в том отношении, что, не являясь созданием определенного автора, отражают в конденсированной форме общие тенденции организации высказывания...» [Гак 2000: 56]. Действительно, нельзя сказать, что подобные реплики конструируются говорящим из простейших элементов: они строятся по готовой схеме, и, по крайней мере, некоторые их лексические составляющие тоже заданы – вместе с синтаксической схемой. Благодаря этим константам реплики коллоквиализуются, становятся почти автоматическими. Причем каждая фразеологизованная модель, каждый коллоквиализм существует в рамках своего стиля и жанра речи. Наиболее доказуемо это в отношении таких групп высказываний, как эмоциональные, эмоционально-оценочные, регулятивные и контактные (см.: [Киселев 1990: 13-

22]; [Стексова 2008: 386-388] и др.).

Особенности функционирования фразеологизованных синтаксических моделей позволяет соотносить их с синтаксически нечленимыми выражениями – так называемыми коммуникемами [Меликян 2001]. Это многообразные обороты вроде *Была не была! Вот так раз! Еще бы! Кто бы мог подумать! Нашел дурака! Ни божье мое; Ну прямо; Оно и видно! Слуга покорный; Сколько можно! Слыханное ли дело! Фиг с ним!* и т.п. Степень связности данных выражений выше, чем синтаксических фразем, а возможность лексического варьирования элементов приближается к нулю. Фактически перед нами фразеологические единицы, вся специфика которых заключается в том, что это – готовые диалогические реплики, как правило, насыщенные экспрессивной окраской. Добавим, что многие из этих единиц – полифункциональны, т.е. могут в разных ситуациях выражать различные эмоции – от пренебрежения до восхищения. Покажем это на примере из иронической сказки «Женская красота» Л. Петрушевской.

Как известно, женская красота дело изменчивое, и красавица жаба Люба, белая и пушистая, пришла к косметичке комару Томке с такими словами:

– Все цветешь, Томик.

– Да тьфу, – боясь сглазить, уклончиво ответила комар Томка.

– В отпуску, что ли, валандалась?

– Да тьфу, – снова возразила комар Томка.

– Бровки, реснички подправишь? – спросила жаба Люба. – И все остальное, как обычно. На ответственную свиданку иду.

– Да тьфу, – согласилась комар Томка.

И еще с одним языковым объектом соотносятся фразеологизованные синтаксические модели. Это – так называемые однофразовые тексты, которым, в частности, посвящена последняя монография Э.М. Береговской [Береговская 2015] и которые привлекают внимание многих других ученых (см., например: [Добрева 1995]). Афоризмы и пословицы, заголовки и объявления, тосты и рекламные слоганы, посвящения и эпитафии, скороговорки и считалки вовсе не обязательно строятся по моделям «малого синтаксиса», но краткость здесь – не случайная характеристика: она также обычно сопряжена с экспрессивностью и

стремлением к коллоквиализации. Примеры вроде *Собака на сене* или *В ногах правды нет*, наделенные эстетической и людической функцией, в первую очередь призваны обслуживать цели коммуникативного регулирования, т.е. выступают как обычные речевые акты.

Таким образом, перед нами – обширный и многообразный (трудно дифференцируемый) языковой объект. Он представляет интерес не только с точки зрения теоретической интерпретации и систематизации (см., например: [Прохоров, Стернин 2007]; [Копотев 2008] и др.), но и в практическом плане – как инструмент диалогического общения, осваиваемый в процессе изучения родного или иностранного языка (см.: [Акишина, Формановская 1983]; [Крижанская, Третьяков 1990] и др.).

И вот теперь мы можем вернуться к главному для нас вопросу: правомерно ли соотносить типы речевых актов с теми или иными синтаксическими моделями? В самом общем виде ответ должен быть отрицательным. Каждая речевая интенция располагает определенным набором языковых средств (в том числе синтаксических конструкций) для своего выражения. В частности, если обратиться к комиссивам («обязывающим» речевым актам, по Дж. Остину), то они могут быть представлены в русском языке такими конструкциями, как: *Я обещаю молчать; Я согласен с предлагаемыми условиями; Я гарантирую свободу мнений; Я голосую за этого кандидата* и т.п., или, за пределами перформативных глаголов, *Мой выбор вам известен; Это входит в мои планы; Я – на стороне большинства; Для меня это задача номер один* и т.п. Однако, при всей свободе выбора, которую язык предлагает человеку, нельзя не заметить, что коммуникативный опыт может подсказывать говорящему и наиболее простые варианты речевых действий: это стандартные реплики, служащие реакциями на стандартные же ситуации.

Понятно, что человек строит свое поведение в соответствии с некоторыми общими стратегиями, а каждая стратегия реализуется с помощью тактик. О.С. Иссерс, кроме основных речевых стратегий (она их определяет как семантические, или когнитивные), выделяет также стратегии вспомогательные: прагматические, диалоговые и риторические [Иссерс 2012:108]. Тактики же

воплощаются в конкретных коммуникативных ходах: именно на этом уровне обобщения мы имеем дело с теми или иными речевыми актами. Это может быть сочувствие или благодарность, оправдание или обещание, угроза или упрек... И для многих из этих речевых актов в обществе есть свои готовые реплики-клише. Откуда они берутся? Это могут быть по своему происхождению цитаты или пословицы, афоризмы или фразеологизмы; набор их с течением времени меняется. Более того, употребление некоторых из этих стереотипных реплик (вроде *Красиво жить не запретишь!* или *Я в шоке!*) становится на какой-то период модным, и благодаря им человек может продемонстрировать свою «осведомленность», причастность к современной речевой культуре.

Приведем некоторый «гlossарий» стереотипных реплик русской речи, характеризующихся разными дискурсивными условиями и разным «возрастом» (временем происхождения).

Я вас больше не задерживаю (грубоватое прощание; объявление о разрыве контакта).

Здесь вопросы задаю я (грубый обрыв собеседника; запрет на разговор).

Скатертью дорога! (грубое прощание; психологическое отталкивание собеседника).

Ты за это ответишь / Вы за это ответите (неодобрение, сочетающееся с прямой угрозой или шантажом).

Мало не покажется (скрытая угроза, предостережение, острастка – по отношению ко 2-му или 3-му лицу).

Все свободны / Вы свободны (объявление руководящего лица о конце заседания или инструктажа, не терпящее возражения или обсуждения).

А вас (Штирлиц) попрошу остаться (выделение какого-то человека из круга присутствующих, возможно, с неприятными для того перспективами).

Ты так думаешь? Вы так думаете? / Ты уверен? / Вы уверены? (несогласие с мнением собеседника, выражаемое в деликатной форме).

А я что тебе говорил! / Тебе ж говорили! Надо было думать! Кто ж так делает! (неодобрение поступка, упрек себе-

седнику и, одновременно, самоутверждение и самовозвышение своей личности).

А ты думал! / А ты что думал! (категорическое подтверждение / констатация некоторого факта, с одновременным самоутверждением).

Знай наших! (одобрение, гордость и одновременно причисление себя к некоторому множественному субъекту – народу, спортивной команде и т.п. – обычно в ситуации соревнования и т.п.).

Умеем (ведь), когда захотим (одобрение, совмещенное с подбадриванием. И, как и в предыдущем случае, причисление себя к множественному субъекту – производственному коллективу, мастерам своего дела и т.п.).

Тише едешь – дальше будешь (оправдание неторопливости, чаще всего – своей собственной).

Явился – не запылится! (приветствие, сопровождаемое некоторой иронией – часто по отношению к опоздавшему или неожиданно появившемуся человеку).

Сегодня не мой (не твой, не его) день (констатация череды неудач; часто с оттенком фатализма или извинения).

Старость не радость (завуалированное оправдание бессилия или усталости, обычно применительно к самому себе).

В ногах правды нет (попытка оправдать собственную физическую слабость или же эмпативное приглашение присесть, обращенное к собеседнику).

Ничего не поделаешь (стремление успокоить собеседника в сочетании с квиетизмом и фатализмом: неверием в силы отдельного человека).

Дело плохо / Плохи (твои, ваши) дела (стремление успокоить или отстраненное сочувствие).

Не надо ля-ля (неодобрение: упрек в пустословии, в болтовне; требование перейти к делу или прекратить разговор).

Кто тебе (вам) не дает? (согласие с собеседником, сопровождающееся удивлением по поводу того, что он не реализует свои планы).

За мной не заржавеет (обещание, выражаемое в подчеркнуто-разговорной форме: «для своих»).

Это ты сказал! / (Заметь) ты это сказал! (говорящий сни-

мает с себя ответственность за плохую характеристику, дурное предзнаменование и т.п.).

Понаехали тут (отрицательное отношение коренного жителя к мигрантам – безадресная ксенофобия или же реплика, ставящая своей целью возбудить окружающих).

Хотеть не вредно (ответная реплика на выражение собеседником желания: несогласие или неодобрение, сопряженное со ссылкой на внешние обстоятельства).

Очень все умные стали / Больно умные все стали / Какие все умные стали (возмущение, раздражение, неприятие ситуации или собеседника).

Сколько тебя ждать? (нетерпение и поторапливание, обычно в домашней обстановке или среди очень близких знакомых).

Танки грязи не боятся (одобрение и оправдание напора, решительности, прямоты действий).

Нетрудно заметить, что психологическую основу для большинства упомянутых реплик составляет одобрение (согласие) или неодобрение (несогласие) с какими-то поступками собеседника. И реплики не просто участвуют в коммуникативном процессе на правах его элементов, но и помогают структурировать диалог: некоторые из них либо относятся к самому говорящему, либо, наоборот, применимы только ко 2-му или 3-му лицу. Так, выражение *Красиво жить не запретишь* – это, как правило, оценка некоторого 2-го или 3-го лица, неприменимая к самому говорящему и отражающая сложный комплекс чувств: восхищение, зависть и квинтизм. А фраза *За мной не заржавеет*, наоборот, – речевой акт комиссива, произносимый только от 1-го лица.

Очень важно также, что с помощью данных реплик говорящий укрепляет свои позиции в диалоге. Регулируя отношения с собеседником, он не упускает возможности подправить свой образ в собственных глазах: он, как правило, – умный, предусмотрительный, деловой, хозяин положения...

Воспользуемся здесь цитатой из верлибра Л. Петрушевской:

и каждая из фраз
«а надо было думать»
и «тебе ж говорили»

не имеет отношения
к тому что натворили
чужие люди с тобой
а имеет отношение к тому,
что предсказатели
сказавши «Тебе ж говорили»
воспользовавшись твоей бедой,
себя же опять
и похвалили
за предусмотрительность
за бдительность...

Даже в тех случаях, когда стереотипная реплика не вызвана прямой коммуникативной необходимостью (а, скажем, спровоцирована обычным созвучием), она значима в социо- и психолингвистическом плане: говорящий, вставляя свои «пять копеек», отправляет мяч на сторону противника. Ср. пример:

Она вернулась спокойная, уравновешенная, тихая и неприметная.

– Это она под таблетками, – уверяла Лида. – Пока держится, до следующего приступа.

– Жалко ее, – сказала тетя Рая.

– Жалко у пчелки в жопке. Жди, когда она на тебя с ножом кинется (М. Трауб. Замочная скважина).

Можно предположить, что чем беднее, чем примитивнее внутренний мир человека, тем с большей охотой он пользуется такими языковыми подсказками. Не обращаясь здесь к классическому, но уже избитому примеру с Эллочкой Людоедкой из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, покажем это на другом литературном герое. В пьесе (или сценарии) В. Сорокина «Пельмени» действует «сторож автобазы, в прошлом прапорщик» Иванов, который к месту и не к месту вставляет в свою речь реплики вроде *Жадность фраера сгубила; Раз, два и в дамки; Ни шагу назад; Мы пскопские, мы прорвемся!; Артиллерия – бог войны; Отставить разговорчики* и т.п. Разумеется, подобные реплики не лишены и регулятивной функции (интенции воздействия на собеседника). Но в первую очередь это для говорящего – способ самовыражения, средство, закрепляющее его мироощущение и пони-

мание того места, которое он занимает в жизни.

Особый интерес представляют собой для исследователя стереотипные реплики, возникающие как реакции на те или иные события, имеющие особый – «мистический» – смысл. Речь идет о клишированных выражениях, сопровождающих (или воплощающих в себе) приметы. Как известно, приметы – важная часть духовной культуры общества, связанная с обычаями и ритуалами (см.: Шахнович 1984). Они, с одной стороны, обобщают в себе когнитивный опыт человека, его наблюдения над природными и общественными явлениями. С другой стороны, приметы содержат в себе «отрицательное» наследство древности: страх и беспомощность человека перед силами природы. Попытки связать между собой разные явления, предсказать ход событий, отогнать нечистую силу, привлечь на свою сторону удачу – всё это находит свое отражение в приметах.

Данный вид реплик, как никакой другой, демонстрирует нам единство и равноправие поступка и речевого акта: «Сама примета и ее речевое воплощение – стереотипная реплика – составляют два звена единой поведенческой цепи, в начале которой стоит стандартная экстралингвистическая ситуация (а в конце, возможно, еще и рекомендуемое приметой действие)» (Норман 1988: 87). Трактовать приметы всего лишь как проявление суеверия – значит сильно упрощать реальную картину. Стереотипные реплики, соответствующие распространенным в обществе приметам, играют в современной коммуникации заметную психо- и социолингвистическую роль (см.: Reuther 1991: 234). Дело в том, что многие из них реализуются в ситуациях, в той или иной степени необычных или нежелательных.

Рассмотрим следующие житейские ситуации. Гость оказался посаженным на угол стола – следует реплика: «Семь лет не жениться» (или, если это женщина, то: «Семь лет замуж не выйти»). Человек икнул – «Кто-то тебя вспоминает». Чихнул человек – значит, сказанное перед тем оказалось правдой. Упала со стола вилка – «Женщина в гости торопится». Упал нож – «Мужчина придет». Просыпана соль или разбилось зеркало – «К несчастью». Надета наизнанку одежда – «Битому быть». Не узнал знакомый (например, при телефонном звонке) – «Богатым бу-

дешь». Чешется кончик носа – «В рюмку смотреть» (т.е. предстоит выпивка). Человек куда-то уезжает – «Присядем на дорожку» (и за репликой следует соответствующее действие). Человек, уходя, вынужден вернуться за забытой вещью – «Посмотри в зеркало».

Во всех этих случаях говорящий реагирует на определенный дискомфорт: физиологический (чихание, икота), психологический (плохая память), материальный (ущерб от разбитого зеркала и т.п.), этический (гость посажен на угол стола), душевный (отъезд и предстоящая разлука). Соответствующая реплика призвана сгладить чувство неловкости, неудобства, замешательства и т.п., по возможности незаметно отрегулировать отношения с собеседником. Можно считать это проявлением фатической (контактоустанавливающей) и регулятивной функций.

Приведем и один характерный пример из художественной литературы.

Я резко повернулась направо и треснулась лбом о лоб молодого человека, который джентльменски поднимал мою помаду.

– Извините, – проблеяла я, а он засмеялся, потирая ушибленное место. – Ерунда. В таких случаях говорят: родными будем (Т. Полякова. Ее маленькая тайна).

Набор стереотипных реплик, сопровождающих (или воплощающих в себе) приметы, дополняет собой перечень клишированных выражений, применимых в обществе во вполне реальных жизненных условиях. Мы наблюдали их использование в ситуациях приветствия и прощания, одобрения и возмущения, упрёка и оправдания...

Поэтому упомянутый в начале статьи «Словарь предложений» – не такая уж абсурдная идея, если иметь в виду стереотипные реплики, присутствующие в готовом виде в сознании носителя языка. Во всяком случае, в Польше эта идея уже реализована: существует «Лексикон польских предложений» Ежи Бральчика [Bralczyk 2004], включающий в себя полторы сотни знакомых каждому поляку выражений «на каждый день», а также исходные для них контексты (в большинстве случаев это детские и народные песни, цитаты из классиков, скороговорки и т.п.). Фонд стереотипных русских выражений представлен рядом

изданий (см: [Белянин, Бутенко 1994]; [Кузьмич 2000]; [Елистратов 2010] и др.). Но исследования в данном направлении должны продолжаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994.
- Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. – М., 1983.
- Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М., 1994.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974.
- Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста. На материале русского, французского, английского и немецкого языков. – М., 2015.
- Богданов В.В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. – Л., 1990.
- Гак В.Г.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры / Отв. Ред. М. Б. Ешич. – М., 2000.
- Добрева Е.* Единозреченский текст – неинтересен и мало важен исследователски обект? // Съпоставително езиковзнание. 1995. № 2.
- Елистратов В.С.* Словарь крылатых фраз российского кино. – М., 2010.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 6-е. – М., 2012.
- Киселев С.А.* Коммуникативная значимость синтаксических моделей. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1990.
- Коптев М.* Принципы синтаксической идиоматизации. – Хельсинки, 2008.
- Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.* Грамматика общения. – Л., 1990.
- Кузнецов П. С.* О языке и речи // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. 1961, № 4.
- Кузьмич В.* Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии. – М., 2000.
- Меликян В.Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М., 2001.
- Норман Б.Ю.* К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях // Русский язык. Межведомственный сборник. Вып. 5. – Минск, 1988.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
- Проничев В.П.* Функционирование именных односоставных конструкций в тексте (предметно-ситуативные номинации). – Л., 1991.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение

ние. – М., 2007.

Стексова Т.И. Смысловая парадигма предложения // С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. – Helsinki, 2008.

Шахнович М.И. Приметы верные и суеверные. – Л., 1984.

Bralczyk J. Leksykon zdań polskich. – Warszawa, 2004.

Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). – Wrocław, 1995.

Reuther T. Vom Sitzen am Eck eines Tisches: einlinguistischer Beitrag zur Untersuchung der russischen «primety/Omina» in der modernen Alltagskultur // Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bochum /Löllinghausen 19.-21.9.1990 / Hrsgb. von K. Hartenstein und H. Jachnow. – München, 1991. S. 233-278.

Wierzbicka A. “Актымowy” // Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi i sławistów - Warszawa 1973 / Praca zbiorowa podred. R. Mayenowej. – Wrocław et al., 1973.

©Норман Б. Ю., 2016